

СОЦИОЛОГИЯ ТЕХНИКИ: К ОБОСНОВАНИЮ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА

Ищенко А.Н.

Донецкий национальный технический университет

Социология техники – сравнительно новая область исследований с нечётко определённым предметным полем и инструментальными средствами, с не выявленными особенностями генезиса её самой, а также объекта её исследований¹. Подобное замечание может быть адресовано к целой группе сопряжённых с нею социологических дисциплин – их становление не получило внешнего обоснования в терминах современной научной рациональности. Нет полной ясности и по вопросу об эволюции собственных оснований этих дисциплин при переходе от классической диалектической методологии – через неклассическую инструменталистскую – к постнеклассической синергетической.

Специальная литература до сих пор даёт преимущественно описательную рядоположенную характеристику всего корпуса этих дисциплин, не восходя к органическому субстанциональному пониманию их предмета². Поэтому и такие институционально сопряжённые сферы социальной практики, как наука и техника, не осмысливаются в их внутренней генетической связи и предметной целостности. А если подобные попытки и предпринимаются, то восходят преимущественно к философии, а не социологии науки и техники, что указывает на преобладание умозрительного взгляда на объект и лишь в некотором приближении характеризует такой подход

¹ По поводу последнего мы солидарны с В.Фрике, полагавшим, что «пока социологические исследования не занимаются процессом создания (генезиса) техники, они не могут претендовать на рассмотрение вопросов современного и, тем более, будущего формирования техники, независимо от того, будет ли оно аналитическим или пропедевтическим» [1,125].

² В данном контексте можно было бы сослаться на исследовательскую традицию, отличающую субстанциональный и субстратный подходы в диспозиции, представленной российским социальным философом К.Момджяном: «Мы решительно не принимаем мнения, согласно которому эта категория (субстанции. – А.И.) <...> имеет ныне сугубо архивное значение, интересна лишь историкам философской мысли, но не практикующим философам. Глубоко ошибается тот, кто рассматривает понятие субстанции как устаревший аналог понятий "материя", "сущность", "причина" или же синоним категории "субстрат"» [2,147]. Правда, аксиологические подходы к обоснованию знания в постнеклассической рациональности не дают нам возможности ограничиться такой неклассической установкой.

как релевантный неклассической рациональности (не говоря о корреляции к последующим её стадиям).

Формирование нашей рабочей гипотезы о предмете и методе социологии техники восходит к общей постановке проблемы предмета, дошедшей до нас в классической диспозиции идеи элементарной клетки системы, которая не эксплицитно представлена в аутентичной гегелевской и явно – в марксистской социальной диалектике. Компаративный их анализ заслуживает самостоятельного рассмотрения и не входит непосредственно в предмет этой статьи. Но без уяснения некоторых внешних и внутренних отличий методологии этих двух выдающихся социальных философов невозможно понять тенденций, проявляющихся на последующих стадиях развития общесоциологической теории и в её специальных приложениях.

С внешней стороны эти отличия состоят в том, что гегелевское представление об абстрактном являет собой структурную характеристику логического целого, взятого в единстве его трёх составных частей по схеме «объект-субъект-предмет». Лучшей иллюстрацией такого подхода является структура и логика изложения гегелевской «Философии права», в которой за определениями абстрактного права, моральности и легальности скрыты, соответственно, (α) трёхэлементное определение клетки системы «собственность-договор-(не)право», а также (β) развёрнутая содержательная характеристика сферы, которую можно условно назвать антропологией права, – имеющей своё естественное продолжение в (γ) характеристике правовой сферы на уровне, именуемом ныне макро-социологией.

В отличие от Гегеля, Маркс делает акцент не на структуре, а на динамике становления современного общества. При этом логика аналитического выделения абстрактного принимает у него комбинированный характер. Элементарная клетка системы – это не только структурная модель сугубо экономической сферы в том виде, как она берётся в современной экономической теории «товар-рынок-(не)регулирование». В общей социологии Маркса она выступает как конечное множество отношений, образующих экономический базис общества. Взятые в совокупности эти отношения характеризуют объектную составляющую социума, политическая и идеологическая надстройка описывает его со стороны межсубъектных организационно-культурных особенностей, а категория общественной формации довершает его динамическую характеристику в терминах философии истории. Главным же отличием идеи абстрактного у Маркса становится выделение в качестве организационной доминанты

подсистемы общественного производства – она предстаёт как формообразующая сторона общественных отношений. Поиски содержательных признаков и исторической специфики производственных отношений для различных формаций, по образцу заданного Марксом способа анализа товара и открытия так называемой «тайны прибавочной стоимости», долгое время велись и не прекратились до настоящего времени в социальной теории марксизма.

Любопытно, что и для современной немарксистской социологии подобная постановка вопроса о генезисе и динамике социальных систем сохраняет значение эвристики. К примеру, представители стокгольмской школы экономики апеллируют к социологической идее мема, истолковывая её как набор перспективных моделей социальной этологии. По их мнению, мем реализует свой адаптационный потенциал в кластерах (социальных группах), представляя собой эквивалент культурного кода, который генерирует эффективное социальное поведение³. При этом динамическая модель истории, которую предлагают стокгольмские авторы, описывает структуру социума не в терминах экономической формации, как это дано у Маркса, а в терминах формации технологической.

Отсюда следует, что реконструкция социологии техники как относительно самостоятельной формы предметного целого путём выведения её из клеточных структур технологической формации может стать результатом компаративного анализа наличного материала. Попытаемся воспользоваться этой интуицией как целью нашей работы. Наша гипотеза состоит в том, что предметное поле социологии техники формируется вокруг категории «орудие» и орудийной деятельности, выступающей в форме доминантного общественного отношения, входящего в акциональный геном и представленного в категории «производство».

Под акциональным геномом мы предлагаем понимать совокупность базисных общественных отношений, открытых

³ «В густых джунглях сложной и часто противоречивой информации, окружающей нас, мемы, которые выживают и распространяются в конкретной среде, в конечном итоге становятся сильнее и сильнее, а мемы, которые не могут обрести почву под ногами, постепенно слабеют и отсеиваются. Но различие между силой и слабостью в данном случае не всегда видимо заранее, по крайней мере, если вы не рассматриваете только сами мемы, без учета информационных технологий и их развития. Работа футурологов в сущности состоит в том, чтобы нарисовать 'карту' экологической системы, в которой сражаются мемы, и используя её за основу, прогнозировать шансы разных мемов на выживание». [3, 21]

английской классической политической экономией и знакомых отечественному читателю по текстам Grundrisse [4]. Наше отличие от классического взгляда на эту совокупность состоит в том, что она должна быть взята не в рядоположенной форме, а в комбинациях, эвристика которых задана биологической генетикой. Поэтому предлагаемое нововведение носит не только терминологический характер. Речь идёт о принципиально новом понимании этой совокупности.

В функции акционального генома данная совокупность подчиняется объективной комбинаторике и образует специфические метаморфозы в структуре социального целого (социальной формации). Механизм их действия, наподобие биологических лелей в хромосомах клетки, превращает произвольный набор объектов, попавших в поле притяжения деятельности, в функционально структурированные и локализованные предметно объекты. Социальные метаморфозы таких объектов зависят от доминантного действия, которому они подвергаются в данный момент и через которое реализуется их функциональное предназначение. Так, активно включённые в социальное производство объекты становятся орудием, в обмене они функционируют как товары, в пространстве присвоения становятся основным объектом правоотношения – собственностью, в потреблении – инструментом влияния, реализующим интересы, полномочия и власть, и т.п.

Но этой тривиальной констатацией наша гипотеза не исчерпывается. Социологическая компаративистика в настоящее время достигла той степени когнитивной зрелости, которая позволяет предполагать возможность структурирования предметного поля социологии техники по образцу наиболее развитой и зрелой конкретной социологической теории, каковой является экономикс. Отсюда следует, что задачей формирующейся ныне социологии техники как относительно самостоятельной области знания может и должно стать алгоритмическое моделирование отдельной социальной подсистемы, институционально локализованной вокруг исследования социальных эффектов технологии, а также расчёт и решение прогностических задач, связанных с проектированием, внедрением и функционированием технологических инноваций.

Нам представляется интересным и в специфическом смысле демонстративным то обстоятельство, что реализация подобной программы исследований позволит уточнить связь и переходы между типами рациональности в системе социального познания и когнитивных науках в целом. Подобный оптимизм внушается тем

обстоятельством, что социология техники получит возможность опереться на математический аппарат для описания равновесных функциональных моделей системы «техника-общество-природа». Не исключено, что ряд социологических параметров уровня «макро», которые в настоящее время проходят по ведомству глобальной теории, займут при этом своё законное место в социологии техники и станут объектом постоянного контроля со стороны международных общественных организаций и специализированных государственных институтов. К ним могут быть отнесены такие факторы, параметры и критерии, как технологические риски, информационная открытость, системность и инновационность, и т.п.

Кроме того, пример стокгольмских авторов показывает, что эта область исследований допускает использование синергетических методов и релевантного математического аппарата, позволяющего прогнозировать бифуркационные эффекты в сфере социальной стратификации, и не только в ней. Правда, мы не во всём согласны с выводами этих авторов и полагаем, в частности, что формирование новых элит (нетократии) в информационном обществе вряд ли повысит риск его неуправляемости и неподконтрольности общественным институтам по критерию доступа к информации. По крайней мере, последний опыт группы WikiLeaks лишний раз свидетельствует о том, что на всякое действие есть противодействие.

Литература

1. Фрике В.В. Социология техники: становление гуманистической парадигмы. Часть I. / В.В.Фрике //Социологические исследования. – 1993. - №6. – С.123-129.
2. Момджян К.Х. Социум. Общество. История / К.Х.Момджян. – М., 1994.– 239 с.
3. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А.Бард, Я. Зодерквист. – СПб.; Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004 г. – 252 с.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант "Капитала"). Пер. с нем. Ч.І-ІІ. Изд.2. – 2011. – 1216 с.